

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2015 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/mezhieva-protiv-rossii-perevod-postanovleniya/>).

Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2015 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "МЕЖИЕВА ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба №44297/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 апреля 2015 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

19 октября 2015 года

Данное постановление вступило в силу по Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть дополнительно отредактировано.

.В деле "Межиева против России"

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), Палатой в следующем составе:

Марк Виллигер, *Председатель Палаты Суда,*

Ангелика Нуссбергер,

Боштьян Зупанчич,

Андре Потоцки,

Хелена Ядерблом,

Алеш Пейхал,

Дмитрий Дедов, *судьи,*

и Клаудия Вестердик, *секретарь Секции Суда,*

заседа 24 марта 2015 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, которое было принято в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№ 44297/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 15 сентября 2006 г. гражданкой Российской Федерации, г-жой Кисой Абдул-Кадировной Межиевой ("заявительница") в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция").

2. Интересы заявительницы представляла "Правовая инициатива по России", неправительственная организация, зарегистрированная в Нидерландах и имеющая представительство в России. Российскую Федерацию ("Правительство") представлял г-н Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявительница, ссылаясь на статью 2 Конвенции, утверждала, в частности, что российские власти не выполнили обязательства по защите жизни ее мужа и ее собственной жизни. Она также утверждала, что расследование по факту смерти ее мужа и причинения ей тяжких телесных повреждений в результате взрыва на мосту через реку Сунжа в 2001 г. было неэффективным.

4. 1 апреля 2009 г. жалоба была коммуницирована Правительству.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница, г-жа Киса Абдул-Кадировна Межиева, гражданка Российской Федерации, родилась в 1961 г. и проживает в г. Грозный.

А. Взрыв, в результате которого погиб муж заявительницы

6. Заявительница с мужем, Межиевым Мауды, жили в Грозном. В 1999 году они выехали из Чечни в Республику Ингушетия, но весной 2000 года вернулись в Чечню. Муж заявительницы был водителем. Он вернулся в Грозный и возобновил свою работу. Заявительница работала кондуктором на том же самом автобусе. Две недели они работали на маршруте, а две недели отдыхали.

7. В марте 2001 года руководство гаража попросило Межиева Мауды поработать и в отведенные для отдыха две недели, так как автобусы были на ремонте. Заявительница и ее муж согласились и начали работать на собственном автобусе марки «КАВЗ», который был в хорошем состоянии.

8. Заявительница и ее муж работали по перевозке пассажиров по автобусному маршруту № 7, который связывает автовокзал Грозного с улицей Алтайская и проходит по улице Ленина и проспекту Победы. Эти улицы в центре Грозного связываются мостом через реку Сунжа. В 100-150 метрах от этого моста в марте 2001 года располагался блок-пост федеральных сил.

9. Заявительница утверждает, что в 2001 году российские инженерные войска проверяли улицу Ленина, проспект Победы и мост через реку Сунжа ежедневно с целью обнаружения взрывных устройств, которые могли быть заложены на улицах противоборствующей российским войскам стороной для подрыва проезжавшей военной техники федеральных сил.

10. Утром 6 марта 2001 года заявительница и ее муж, как обычно, на собственном автобусе работали по седьмому маршруту в Грозном. Но утром мост через Сунжу был закрыт военными. Заявительница с мужем проехали по другому мосту по улице Красных фронтовиков. И они закончили первую поездку по всему 7-му маршруту где-то в 10-11 часов. Тот факт, что мост на реке Сунжа по улице Ленина утром 6 марта 2001 года для проезда был закрыт российскими военными, подтверждают и следующие свидетели – водители автобусов: г-н Ш. Г., г-н У.М. и г-на В.М., а также кондуктор другого автобуса г-н К. М. По утверждению Правительства, закрытие моста на улице Ленина является доказательством того, что проведение инспекции было было стратегически важным направлением деятельности властей и занимало много времени для проверки.

11. Позднее заявительница и ее муж отправились на второй круг по седьмому маршруту с улицы Алтайская к автовокзалу города Грозный. Было примерно без 13-14 минут до 15 часов дня, когда они остановились у центрального рынка, чтобы посадить пассажиров и поехать дальше, когда они увидели, что по мосту через Сунжу проехал автобус маршрута номер 7 под управлением знакомого им водителя Ш. Затем поехали еще два автобуса №1 и №18, и потом мимо них к мосту проехала военная колонна федеральных сил. Первым шел танк, потом 3-4 военных автомобиля «Урал». Вслед за ними шел БТР. Колонна проехала дальше, а БТР свернул у моста и остановился.

12. Заявительница и ее муж увидели, что закрытый с утра мост через Сунжу в настоящее время был открыт. Они также решили проехать по этому

мосту и не ехать снова в объезд по улице Красных фронтовиков. Их автобус поехал к мосту через 2-3 минуты после того, как по мосту проехала военная колонна.

13. Перед тем, как въехать на мост, автобус подъехали к посту федеральных сил, чтобы, как обычно, зарегистрироваться и отдать 10 рублей за проезд. На КПП муж заявительницы остановил автобус, где было около двадцати пассажиров, и вышел, чтобы зарегистрироваться и оплатить взнос. Тем не менее, солдат на контрольно-пропускном пункте не проверил документы и не взял деньги, но сказал мужу заявительницы быстро проезжать вперед.

14. Когда автобус Межиевых подъехал к мосту, навстречу им по мосту шел другой автобус седьмого маршрута. Мауды остановил свой автобус, чтобы пропустить встречный, так как в одном месте на мосту оставалась лишь узкая полоса, пригодная для проезда. На этом месте две машины не разминулись бы. Мост во время войны был частично разрушен, местами в мосту были дыры и мусор. Встречный автобус проехал, и как только автобус Межиевых тронулся, то у края моста произошел сильный взрыв под левым передним колесом автобуса, со стороны, где сидит водитель.

15. Сразу же после взрыва военнослужащие закрыли блок-пост, не подпуская к подорванному автобусу никого. Следом за автобусом Межиевых ехал на автобусе брат заявительницы, В.М. Когда он увидел произошедшее, то попытался на своем автобусе проехать к взорванному автобусу, чтобы отвезти раненных людей в больницу. Но военнослужащие не подпустили и его, открыв в сторону его автобуса огонь из автоматов. Три пули попали в лобовое стекло автобуса В.М. Из-за этого обстрела В.М. вынужден был развернуться и поехал в объезд по улице Красных фронтовиков.

16. После взрыва в автобусе начали кричать раненые и испугавшиеся люди. Заявительница потеряла сознание. Когда она очнулась, уже последняя женщина выходила с ребенком из автобуса. Заявительница попросила у нее помощи, так как сама была сильно ранена. К тому времени автобус был окружен российскими военнослужащими. Один из солдат подбежал и сказал: "Вот гады, еще живые выходят".

17. Заявительница пыталась самостоятельно выйти из автобуса, и один из военнослужащих пришел ей на помощь. Он наложил на ее руку жгут, чтобы остановить кровотечение, перевязал своим ремнем и ногу заявительницы. Затем он вынес заявительницу из автобуса и положил рядом с мужем, которого, как оказалось, взрывной волной выбросило из автобуса. Мауды был сильно ранен, и было очевидно, что он нуждался в срочной медицинской помощи.

18. В это время В.М. ехал по улице Красных фронтовиков и увидел едущую навстречу машину скорой медицинской помощи. В.М. остановил ее и попросил водителя отвезти раненых людей в больницу. Водитель согласился и поехал за автобусом В.М. Со стороны улицы Ленина машина скорой помощи и автобус подъехали к мосту. Но военные снова не пропускали их к раненым людям и стреляли в воздух. Тем не менее, В.М. и водитель скорой помощи побежали на помощь раненым. Заявительницу и

ее мужа перенесли в машину скорой помощи, а раненных пассажиров посадили в автобус В.М. и всех их отвезли в Грозненскую 9-ую городскую больницу.

19. Так как военнослужащие не подпустили никого к месту происшествия сразу после взрыва, то всех раненых пассажиров, тяжело раненных заявительницу и ее мужа доставили в больницу спустя минут 50 после взрыва. Мауды Межиев умер в больнице через 15-20 минут. В тот же день родственники забрали его тело из больницы и похоронили.

20. Заявительница также была тяжело ранена. Осколки попали ей в ноги, голову, руки. Ее в больнице прооперировали, ампутировали левую руку чуть выше. 7 марта родственники перевезли заявительницу в больницу села Старые Атаги, они не сразу сообщили ей о смерти мужа, так как хотели, чтобы она не волновалась и смогла выздороветь. Родственники сказали ей, что Мауды перевезли в больницу города Махачкала. Заявительница узнала о его смерти спустя месяц, когда сама выписалась из больницы. В течение целого года она лечилась от своих ран, которые причиняли ей тяжелые боли.

В. Уголовное расследование

21. 6 марта 2001 г., то есть в день взрыва, прокуратурой г. Грозного было возбуждено уголовное дело № 11076 по факту взрыва. Как сообщает Правительство, основанием для возбуждения уголовного дела послужило наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 105 и частью 1 статьи 205 Уголовного кодекса РФ. Впоследствии уголовное дело было передано в прокуратуру Ленинского района г. Грозного.

22. В тот же день органы расследования провели осмотр и фотографирование места взрыва. Они также допросили двух находившихся на блокпосту военнослужащих, которые описали события, имевшие место непосредственно до и после взрыва. Как следует из их показаний, они могли хорошо видеть мост, но ни один из них не видел "красной машины", упомянутой в заключении от 9 марта 2001 г. (см. пункт 24 ниже). Правительство, признавая, что военнослужащие могли хорошо видеть мост, утверждало, что это не означает, что мост полностью контролировался военнослужащими, и указывало, что могли иметь место непредвиденные обстоятельства.

23. Согласно информации, представленной Правительством, по итогам официальной проверки был сделан вывод о том, что военнослужащие блокпоста № 17 не могли видеть момент, когда было установлено взрывное устройство, поскольку они находились далеко.

23. Из заключения психолога мобильного отдела Министерства внутренних дел РФ по Чеченской Республике от 9 марта 2001 г. следует, что несколько жителей г. Грозного подтвердили, что незадолго до взрыва на мост на большой скорости заехал автомобиль ВАЗ 2107, развернулся, и водитель или пассажир положили что-то на край моста, после чего автомобиль немедленно скрылся. В ходе внутренней проверки было установлено, что военнослужащие, находившиеся на блокпосту в указанное

время, не видели, кто заложил взрывное устройство и когда это произошло. Заключение психолога было передано в органы прокуратуры.

24. По утверждению заявительницы, к марту 2001 г. мост через р. Сунжа был частично разрушен и находился в таком плохом состоянии, что никакая "красная машина" не могла бы совершить разворот на мосту, тем более на большой скорости. Заявительница также указала, что ни один автомобиль не мог бы проехать между блокпостами федеральных сил № 17 и № 19 незамеченным и без разрешения военнослужащих федеральных сил в Чечне, которые находились в то время на блокпостах.

25. 6 мая 2001 г. предварительное расследование было приостановлено на основании части 3 статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

26. Заявительница узнала о возбуждении уголовного дела от своих родственников; она не обращалась в органы прокуратуры по своей инициативе. Однако в связи с тем, что в течение более полутора лет ее не вызывали в прокуратуру на допрос и не сообщали ей о предпринятых следственных действиях, 31 октября 2003 г. она потребовала предоставить ей информацию о ходе расследования и копию постановления о возбуждении уголовного дела по факту взрыва.

27. 2 ноября 2003 г. прокуратура Чеченской Республики направил ее заявление в прокуратуру Ленинского района г. Грозного.

28. 6 ноября 2003 г. заместитель прокурора Ленинского района отменил постановление от 6 мая 2001 г. и возобновил предварительное расследование. В тот же день заявительница была допрошена и признана потерпевшей. Ей также предоставили копию постановления о возбуждении уголовного дела по факту взрыва от 6 марта 2001 г. По информации Правительства, копия указанного постановления была выдана ей лишь 9 ноября 2003 г.

29. 26 ноября 2003 г. была назначена судебно-медицинская экспертиза, по результатам которой было подтверждено, что заявительница получила телесные повреждения в результате взрыва. Заключение эксперта было подготовлено 9 января 2004 г. 26 декабря 2003 г. были подготовлены два других заключения судебно-медицинской экспертизы в отношении двух других людей, получивших ранения в результате взрыва.

30. 12 и 24 декабря 2003 г. были два свидетеля дали показания, среди прочего, о том, что в марте 2001 г. во второй половине дня они слышали взрыв.

31. 1 января 2004 г. была начата и 24 марта 2004 г. была завершена экспертиза автобуса.

32. 6 января 2004 г. был допрошен один из пассажиров автобуса, получивших ранения в ходе взрыва. В тот же день расследование по уголовному делу было приостановлено на основании пункта 1 части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако 1 апреля 2004 г. прокурор Ленинского района г. Грозного отменил указанное постановление и возобновил расследование по делу.

33. 9 апреля 2004 г. начальнику Отдела внутренних дел Ленинского района г. Грозного было поручено установить личность пассажиров автобуса, находившихся в нем до взрыва, а также лиц, которых затронуло

данное преступление. В тот же день следователь составил протокол осмотра предметов, изъятых при осмотре места происшествия.

34. 10 апреля 2004 г. была назначена взрывотехническая экспертиза.

35. 30 апреля 2004 г. предварительное расследование было вновь приостановлено, на этот раз на основании пункта 1 части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса.

36. 9 марта 2005 г. была проведена экспертиза, в ходе которой были исследованы осколки взрывного устройства, обнаруженные на месте взрыва. Согласно выводам эксперта, осколки, представленные на исследование, являлись осколками артиллерийского снаряда калибра 122 мм. Вероятнее всего, взрыв был осуществлен при помощи самодельного взрывного устройства, состоящего из артиллерийского снаряда и активирующего устройства. Точную конструкцию активирующего устройства установить не удалось, поскольку его части не были представлены на исследование. На поверхности объектов, представленных на исследование, были обнаружены микрочастицы взрывчатого вещества, тротила, которым начинены артиллерийские снаряды калибра 122 мм. Максимальный радиус разлета осколков снаряда составляет 800 метров.

37. Поскольку со времени допроса в ноябре 2003 г. заявительница не получала никакой информации о ходе расследования, 2 мая 2006 г. она обратилась в прокуратуру Ленинского района с требованием предоставить ей возможность ознакомиться с материалами дела.

38. 6 мая 2006 г. заместитель прокурора Ленинского района сообщил заявительнице, что предварительное расследование было приостановлено и что она может ознакомиться с материалами дела.

39. 27 мая 2006 г. заявительница пришла для ознакомления с материалами дела. Следователь С. предоставил ей копии следующих документов: протокола осмотра места взрыва от 6 марта 2001 г., фотографий места взрыва, заключения психолога К. от 9 марта 2001 г., протокола допроса заявительницы от 6 ноября 2003 г. и заключений экспертов от 26 ноября 2003 г. и 9 марта 2005 г. По словам следователя, в материалах дела не было больше ничего, что могло бы представлять интерес для заявительницы, и он не позволил ей ознакомиться со всеми материалами дела и снять фотокопии с документов. Письменного отказа заявительнице выдано не было. Не ясно, требовала ли этого заявительница.

40. По утверждению заявительницы, следователь сказал ей, что военнослужащие с блокпоста, находившегося около моста, допрошены не были. Когда заявительница высказала сомнения в достоверности заключения от 9 марта 2001 г., он предположительно сказал ей, что русские подготовили заключение, чтобы отвести от себя подозрения.

41. 20 июня 2006 г. заявительница обратилась в прокуратуру Ленинского района с жалобой на неэффективность расследования.

42. 28 июня 2006 г. она обратилась в Ленинский городской суд с жалобой на приостановление расследования, на неэффективность и задержки в расследовании, а также на непредоставление ей всех материалов дела. Не ясно, были ли жалобы рассмотрены.

43. 6 декабря 2006 г. предварительное расследование было приостановлено. Впоследствии указанное постановление было отменено, и расследование было возобновлено. Однако 9 декабря 2006 г. заместитель прокурора Ленинского района прекратил уголовное дело в отношении неустановленных лиц, возбужденное по статье 205 Уголовного кодекса (терроризм). По утверждению заявительницы, как правило, российские власти возбуждают уголовные дела по данной статье в случаях совершения незаконными вооруженными формированиями, противостоящими федеральным силам в Чечне, взрывов, поджогов или иных действий, которые угрожают жизни гражданского населения, создают опасность причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных негативных последствия для общества. Таким образом, следователи, вероятно, получили доказательства, подтверждающие, что подрыв моста был осуществлен не боевиками и что не было никакой "красной машины".

44. 30 июня 2009 г. заместитель руководителя следственного отдела Следственного комитета отменил указанное постановление и возобновил расследование.

45. Суд потребовал от Правительства предоставить копии всех материалов уголовного дела, возбужденного по факту взрыва, в результате которого погиб муж заявительницы. Изначально Правительство отказалось выполнить данное требование, ссылаясь на отсутствие гарантий нераскрытия конфиденциальной информации после ее предоставления в Суд. По утверждению Правительства, заявительница и ее представители не предоставили гарантий того, что будет обеспечена конфиденциальность материалов дела. Принимая во внимание значительное количество жалоб на нарушения прав человека в ходе контртеррористических операций на территории Чеченской Республики, раскрытие содержащейся в материалах расследуемых дел информации, охраняемой законом, причинит значительный ущерб законным интересам государства и участников уголовного судопроизводства.

46. 28 октября 2009 г. Правительство, тем не менее, представило Суду основные части материалов соответствующего уголовного дела.

47. По состоянию на июнь 2011 г., то есть в течение десяти лет и трех месяцев после возбуждения дела, расследование продолжается.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

48. Статья 205 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. устанавливает уголовную ответственность за терроризм, который определяется как "совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, ... в целях ... воздействия на принятие [органами власти] решений...".

49. Глава 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ("Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство") предусматривает судебный порядок рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) следователя и прокурора, способные причинить ущерб конституционным

правам и свободам участников уголовного судопроизводства (часть 1 статьи 125). Жалоба рассматривается судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

50. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса содержит норму о том, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Часть 3 указанной статьи гласит, что данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора или следователя, и только если это нарушает прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не противоречит интересам предварительного расследования. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

51. Согласно пункту 1 части 1 статьи 208 Кодекса предварительное расследование приостанавливается в случае невозможности установить лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности. Аналогичные нормы содержались в части 3 статьи 195 Кодекса, действовавшего до 1 июля 2002 г.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2 И 13 КОНВЕНЦИИ

52. Заявительница утверждала, что власти не выполнили свое обязательство по защите права на жизнь самой заявительницы и ее мужа, а также что расследование по факту взрыва было неэффективным. Со ссылкой на статью 13 Конвенции она также утверждала, что отсутствовали эффективные средства защиты от предполагаемого нарушения статьи 2 Конвенции.

53. Проведя общую оценку обстоятельств настоящего дела, Суд полагает необходимым рассмотреть жалобы заявительницы только с точки зрения статьи 2 Конвенции (см., например, *Matushevskyy and Matushevskaya v. Ukraine*, no. 59461/08, § 63, 23 June 2011). Статья 2 Конвенции гласит:

"1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа."

А. Приемлемость

54. В первую очередь Суд отмечает, что заявительница является косвенной жертвой и обладает, согласно статье 34 Конвенции, правом на обращение с жалобой в связи со смертью ее мужа, поскольку предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции непосредственно ее затронуло. Таким образом, жалобы заявительницы в связи со смертью ее мужа не могут быть отклонены на основании отсутствия статуса жертвы (см., *mutatis mutandis*, *Velikova v. Bulgaria* (dec.), no. 41488/98, 18 May 2005). Более того, заявительница также является жертвой в связи с полученными ей тяжелыми ранениями.

55. Правительство утверждало, что заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты. Оно отмечало, что заявительница не обращалась в национальные суды с требованием о возмещении вреда.

56. Заявительница утверждала, что для целей статьи 2 Конвенции эффективным средством правовой защиты было бы должным образом проведенное уголовное расследование обстоятельств взрыва, в результате которого ее муж погиб, а она получила серьезные ранения. Она обратилась в Суд в течение шести месяцев после того, как ей стало понятно, что расследование неэффективно. Соответственно, ее жалоба подана с соблюдением критериев приемлемости, предусмотренных статьей 35 Конвенции (см. *Bulut and Yavuz v. Turkey* (dec.), no. 73065/01, 28 May 2002).

57. Суд в ряде дел уже отмечал, что процедуры, направленные на получение компенсации вреда, причиненного незаконными действиями или противоправным поведением агентов государства, сами по себе не могут рассматриваться в качестве эффективного средства защиты в контексте жалоб на нарушение статьи 2 Конвенции (см. *Aslakhanova and Others v. Russia*, nos. 2944/06 and 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10, 18 December 2012, § 89; *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, §§ 119-21, 24 February 2005; и *Estamirov and Others*, no. 60272/00, 12 October 2006, § 77). Соответственно, Суд подтверждает, что обращение к гражданско-правовым средствам защиты не являлось обязательным для заявительницы. Таким образом, возражения Правительства в этом отношении отклоняются.

58. Кроме того, Суд полагает, что Правительство в своих возражениях поднимает вопрос о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы на неэффективность расследования, который тесно связан с существом жалоб заявительницы. Соответственно, Суд полагает необходимым рассмотреть данное возражение совместно с рассмотрением дела по существу в части процессуального аспекта статьи 2 Конвенции (см., например, *Matushevskyy and Matushevskaya*, цит. выше, § 66).

59. Суд отмечает, что жалоба по статье 2 Конвенции не является явно неприемлемой по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Соответственно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Заявительница

60. Заявительница утверждала, что в результате умышленных и незаконных действий агентов государства ее муж погиб, а ее жизнь подверглась опасности, а также что агенты государства не предприняли необходимых мер для того, чтобы спасти жизнь ее мужа, а также здоровье заявительницы после взрыва. Мост, о котором идет речь, находился под контролем и наблюдением двух блокпостов российских сил. Версия Правительства о "красной машине" не нашла подтверждения. В отличие от других дней, 6 марта 2001 г. сотрудники милиции, находившиеся на блокпосту № 17, пропустили мужа заявительницы через мост без проверки документов и не взяли с него денег, а вместо этого торопили его захватить на мост быстрее. Один из военнослужащих, который подбежал к автобусу после взрыва, сказал: "Вот гады, еще живые выходят". Это подтверждает, что военнослужащие действовали умышленно с тем, чтобы причинить вред жизни и здоровью пассажиров автобуса".

61. Как указала заявительница, российские власти не представили копий подписанных протоколов допросов или иным образом оформленных показаний с подписями свидетелей в подтверждение своего утверждения о том, что неустановленные лица на "красной машине" заложили взрывное устройство на краю моста. Кроме того, Правительство не раскрыло информацию о личности свидетелей.

62. Заявительница также утверждала, что агенты государства умышленно и незаконно помешали своевременному оказанию ей и ее мужу медицинской помощи, несмотря на то, что они были серьезно ранены. Учитывая, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела, бремя доказывания должно перейти от заявительницы на государство, которое должно доказать, что его агенты не несут ответственности за смерть родственника заявительницы и за причинение ей ранений (see *Özalp and Others v. Turkey*, no. 32457/96. 8 April 2004, § 35). Лишение жизни ее мужа было произвольным и не являлось результатом "абсолютно необходимого применения силы", как это предусмотрено статьей 2 Конвенции.

63. Если согласиться с версией Правительства о том, что взрывное устройство было заложено неустановленными лицами на красном автомобиле (см. пункт 24 выше), не находит логического ответа вопрос о том, почему они заложили взрывное устройство в дневное время всего в 100 метрах от блокпоста № 17 дважды проехав блокпост № 19 (с взрывным устройством и без него), несмотря на то, что на улице Ленина и проспекте Победы, примыкающим к мосту, а также на других улицах г. Грозного было достаточно мест, в которых можно было заложить взрывное устройство, не подвергаясь риску быть замеченными. Соответственно, заявительница пришла к выводу о том, что версия Правительства о "красной машине" необоснованна.

64. Заявительница также утверждала, что уголовное расследование длилось более десяти лет (см. пункт 48 выше). Поэтому Правительство не может представить убедительных доводов о том, что расследование являлось эффективным средством правовой защиты согласно статье 35 Конвенции, в особенности с учетом тяжести предполагаемого преступления. Кроме того, Правительство не объяснило, почему расследование затянулось на такой длительный срок (см. *Timurtas v. Turkey* (dec.), no. 23531/94, 13 June 2000; *Sarli v. Turkey* (dec.), no. 24490/94, 28 September 1995; and *Ertak v. Turkey* (dec.), no. 20764/92, 12 April 1996). Заявительница утверждала, что в данном деле органы расследования не соблюли требования об оперативности и разумной расторопности (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00, 57945/00, 57942/00, 57945/00, 24 February 2005, § 155, and *Yasa v. Turkey*, no. 22495/93, 2 September 1998, § 102-104).

(b) Правительство

65. Правительство ссылалось на доказательства переполненности автобусов и оживленное дорожное движение, высказывало сомнения в том, что взрывное устройство было заложено российскими военнослужащими и что именно автобус был целью подрыва. Оно также добавило, что утверждения заявительницы о том, что на "высокой скорости" невозможно спрятать или заложить взрывное устройство, так как это потребовало бы времени, а на мосту был строгий контроль, не исключали возможности заложить взрывное устройство под предмет, не вызывающий подозрений (например, мусор или строительные материалы). В этом отношении Правительство ссылалось на то, что в своей первоначальной жалобе заявительница утверждала, что она "ничего подозрительного не заметила на мосту ... местами в мосту были дыры и мусор".

66. Правительство утверждало, что в ходе предварительного расследования не было получено доказательств, подтверждающих довод заявительницы о том, что ее муж был убит в результате "применения силы" представителями государства (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 September 1995, Series A no. 324, § 161, and *Kaya v. Turkey*, 19 February 1998, *Reports* 1998-I, § 105). Соответственно, отсутствовали доказательства, подтверждающие вне всякого разумного сомнения, что российские власти или их представители были причастны к смерти мужа заявительницы (см. *Ireland v. the United Kingdom*, no. 5310/71, 18 January 1978, § 161). Отсутствовали основания для серьезных утверждений о том, что российские власти не проявили "особой тщательности" при обеспечении безопасности жителей г. Грозного, в том числе, заявительницы и ее мужа. Таким образом, отсутствовали основания для вывода о нарушении статьи 2.

67. Иными словами, Правительство утверждало, что доводы заявительницы о том, что российские военнослужащие заложили бомбу, не подтверждаются фактическими обстоятельствами и являются предположениями. Правительство утверждало, что, вероятнее всего, основной целью был военный конвой, который находился в двух или трех минутах езды от моста в момент взрыва. Основания утверждать, что российские власти причастны к подрыву отсутствуют.

68. Правительство утверждало, что расследование проводилось независимыми органами прокуратуры (см. *Gülec v. Turkey*, no. 21593/93, 27 July 1998, *Reports* 1998-IV, §§ 81-82, и *Öğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, 20 May 1999, §§ 91-92, ECHR 1999-III) и что оно было начато в день взрыва, то есть отвечало требованиям своевременности и быстроты (см. *Cakici v. Turkey* [GC], no. 23657/94, 8 July 1999, ECHR 1999-IV, §§ 80, 87, 106; *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, 8 July 1999, ECHR 1999-IV, § 109; и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, 28 March 2000, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Следственная группа предприняла достаточные усилия, чтобы установить лиц, причастных к взрыву, что позволяет утверждать, что власти Российской Федерации выполнили свои позитивные обязательства по проведению эффективного расследования, как того требует статья 2 Конвенции (см. *Tahsin Acar v. Turkey*, no. 26307/95, 8 April 2004, § 220).

69. Правительство также отмечало, что приостановление расследования (см. пункт 33 выше) не означало его прекращение. Недовольство заявительницы объемом информации, который ей был предоставлен, не свидетельствует о неэффективности расследования. Как Суд указывал ранее, процессуальные обязательства [государства по Конвенции] не требуют предоставления заявителям доступа к материалам дела или копиям всех документов, а также их информирования или консультирования в отношении каждого процессуального действия (см. *Brecknell v. the United Kingdom*, no. 32457/04, 27 November 2007, § 77).

70. Правительство добавило, что в ходе расследования взрыва было проведено большое количество следственных действий. Оно ссылалось на допросы свидетелей, в том числе заявительницы, и осмотр места взрыва. Кроме того, был осуществлен ряд оперативных мероприятий, направленных на установление виновных во взрыве. Тот факт, что эти действия не привели к желаемым результатам, не означает, что они были неэффективны, а окончание расследования в отсутствие конкретного результата или по получении ограниченного результата само по себе не свидетельствует о несостоятельности расследования (см. *Szula v. the United Kingdom* (dec.), no. 18727/06, 4 January 2007).

2. Оценка Суда

71. Суд напоминает, что статья 2 налагает позитивное обязательство процессуального характера, в частности, обязанность государств расследовать случаи смерти, которые могли наступить в результате нарушения Конвенции (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, цит. выше, § 161). Основная цель такого расследования состоит в том, чтобы обеспечить эффективное применение национального законодательства, защищающего право на жизнь, и привлечение к ответственности агентов государства или органов власти в случаях, когда они несут ответственность за наступление смерти (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, § 137, и *Jasinskis v. Latvia*, no. 45744/08, 21 December 2010, § 72). Такое расследования должно быть независимым; родственникам пострадавших должен быть обеспечен доступ к [информации о] расследовании; оно должно проводиться с разумной быстротой и своевременностью и быть

эффективным; последнее означает, что в результате расследования должна быть возможность установить, было ли применение силы в таких делах оправданным или неоправданным с учетом обстоятельств и было ли оно незаконным в силу иных причин. Кроме того, должен быть обеспечен достаточный уровень общественного контроля за расследованием и его результатами (см., *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, cited above, § 161; *Kaya*, cited above, § 86; and *Juozaitienė and Bikulčius v. Lithuania*, nos. 70659/01 and 74371/01, 24 April 2008, § 88; *Huohvanainen v. Finland*, no. 57389/00, § 95, 13 March 2007). Выводы расследования должны быть основаны на тщательном, объективном и беспристрастном анализе всех относимых элементов. Любой недостаток в расследовании, приводящий к невозможности установить обстоятельства дела или виновных лиц, может привести к нарушению требования об эффективности (см. *Nachova and Others*, цит. выше, § 113, и, *a contrario*, *Huohvanainen*, cited above, §§ 110-115).

72. Суд отмечает, что власти государства-ответчика выполнили свое обязательство по своевременному началу расследования, так как оно было начато в день взрыва (см. пункт 21 выше). Однако в расследовании имели место неоправданные задержки. Общая продолжительность расследования в десять лет, включая периоды, в течение которых никаких действий по делу не предпринималось, не может быть рассмотрена в качестве удовлетворительной с учетом обстоятельств дела (см. *Kaya*, цит. выше, § 106).

73. Суд также отмечает, что должен быть обеспечен достаточный уровень общественного контроля за любым расследованием и его результатами с тем, чтобы возможность привлечения к ответственности существовала не только в теории, но и реализовывалась на практике. Необходимая степень общественного контроля может быть различной в зависимости от конкретного дела. Однако во всех делах родственники потерпевшего и сам потерпевший должны иметь возможность принимать участие в разбирательстве в той степени, в которой это необходимо для обеспечения их законных интересов (см. *Kelly and Others v. the United Kingdom*, no. 30054/96, 4 May 2001, § 98; *Güleç*, цит. выше, § 82; и *Öğur*, цит. выше, § 92, в которых родственникам потерпевших не был обеспечен доступ к расследованию и документам суда).

74. Как верно отмечает Правительство, Суд полагает, что статья 2 Конвенции не требует предоставления заявителям доступа к материалам дела или копиям всех документов, а также их информирования или консультирования в отношении каждого действия властей (см. *Brecknell v. the United Kingdom*, no. 32457/04, 27 November 2007, § 77). Однако обстоятельства данного дела указывают на то, что степень вовлеченности заявительницы в расследование была ниже того, что требовалось бы для обеспечения ее законных интересов. В этом отношении Суд отмечает, что в течение более чем года после начала расследования заявительницу не вызвали в органы прокуратуры для допроса и не информировали о проведенных следственных действиях, несмотря на то, что она являлась очевидцем событий, а также что ей пришлось направить запрос для того,

чтобы получить информацию о ходе расследования (см. пункты 27-29 выше). Кроме того, ей не было предоставлено информации о ходе расследования и после признания ее потерпевшей, и ей пришлось вновь проявить инициативу для того, чтобы получить разрешение на ознакомление с материалами дела (см. пункт 38 выше). Суд также обращает внимание на тот факт, что когда заявительница – спустя более чем пять лет после начала расследования – получила возможность ознакомиться с материалами дела, ей были предъявлены только четыре фотографии места взрыва и пять других документов из материалов дела и не была предоставлена возможность сделать фотокопии (см. пункт 40 выше). Ей не были представлены протоколы допросов свидетелей или иных процессуальных действий, предпринятых органами расследования; она не получила подробной информации об указанных действиях властей. Указанные обстоятельства приводят Суд к выводу о том, что в данном деле не был обеспечен должный уровень общественного контроля.

75. Вышеизложенные соображения достаточны для того, чтобы Суд пришел к выводу о неэффективности расследования взрыва на мосту, в результате которого погиб муж заявительницы, а сама заявительница получила серьезные ранения. Суд приходит к выводу, что расследование не могло привести к установлению истинных обстоятельств взрыва и личности виновного или виновных. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте. По указанным причинам, Суд отклоняет возражение Правительства по вопросу приемлемости жалобы, основанное на доводе о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, рассмотрение которого было ранее объединено с рассмотрением дела по существу (см. пункт 59 выше). Поскольку в результате непроведения властями эффективного расследования Суд не располагает достаточными доказательствами, которые позволили бы установить "вне всякого разумного сомнения", что российские власти несут ответственность за события, приведшие к смерти мужа заявительницы и причинению самой заявительнице тяжких ранений, а также установить факт неоказания им необходимой помощи после взрыва, Суд вынужден признать, что не имело места нарушения статьи 2 Конвенции в ее материальном аспекте.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

76. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне"

A. Ущерб

77. Заявительница требовала 196,595.39 рублей в качестве возмещения материального ущерба и 3,000,000 евро в качестве компенсации морального

вреда. Она утверждала, что она могла рассчитывать на 30% заработка своего мужа за годы, в течение которых он мог быть поддерживать ее. Кроме того, она испытывала страдания в связи с гибелью мужа, безразличным отношением российских властей к данному делу, а также непредоставлением ей информации о ходе и результатах расследования. Ее расчеты также были основаны на актуарных таблицах, применяемых в делах о травмировании и несчастных случаях со смертельным исходом, опубликованных Правительственным департаментом актуария Великобритании в 2007 г. ("таблицы Огдена").

78. В отношении требования о возмещении материального ущерба Правительство отметило, что факт причинения смерти мужу заявительницы в результате действий представителей государства-ответчика не был установлен. Поэтому заявительница не является лицом, потерявшим кормильца в результате нарушения прав, гарантированных Конвенции. Кроме того, Суду нет необходимости применять таблицы Огдена; в России существуют национальный механизм возмещения вреда, причиненного потерей кормильца, поэтому вопрос возмещения вреда, причиненного в связи с потерей кормильца может быть разрешен на национальном уровне. Из материалов настоящего дела не следует, что заявительница прибегла к данной процедуре, и, соответственно, ее требования и расчеты необоснованны.

79. В отношении компенсации морального вреда Правительство отметило, что заявительница не обосновала и не объяснила свои требования, а сумма в 3,000,000 евро является чрезмерной с учетом практики Суда по вопросу справедливой компенсации за нарушения статей 2 и 13 Конвенции.

80. Суд пришел к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции в связи с неэффективностью расследования взрыва, в результате которого муж заявительницы погиб, а она получила тяжкие и опасные для жизни ранения.

81. Суд признает, что заявительнице был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован исключительно признанием нарушения ее прав. Соответственно, ей присуждается 30,000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий уплате с указанной суммы.

82. В отношении материального ущерба Суд отмечает, что отсутствует причинно-следственная связь между обстоятельствами, признанными нарушением Конвенции, а именно, непроведением эффективного расследования, и материальным ущербом, на который указывала заявительница. Соответственно, ее требования в данном отношении отклоняются.

В. Расходы и издержки

83. Заявительница требовала 6,735.26 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Суде.

84. Правительство в отношении расходов и издержек утверждало, что согласно практике Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и

издержек лишь в том случае, если доказано, что они были реально и разумно понесены (см. *Skorobogatova v. Russia*, no. 33914/02, 1 December 2005, § 61).

85. Согласно практике Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в том случае, если доказано, что они были реально понесены, были необходимы, а их размер является разумным. В данном деле на основании документов, находящихся в распоряжении Суда, и вышеуказанных критериев Суд считает разумным назначить компенсацию расходов, понесенных в ходе разбирательства в Суде, в размере 3,000 евро.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

87. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объединяет* рассмотрение возражения Правительства о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет указанное возражение;
2. *Объявляет* жалобу приемлемой;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте;
4. *Постановляет*, что не имело места нарушения статьи 2 Конвенции в ее материальном аспекте;
5. *Постановляет*
 - (a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы в рублях по курсу валют на дату выплаты:
 - (i) 30,000 евро (тридцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также сумму налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму;
 - (ii) 3,000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации расходов и издержек, а также сумму налогов, которые могут быть начислены заявительнице;
 - (b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты.
6. *Отклоняет* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке. Уведомление о постановлении направлено в письменном виде 16 апреля 2015 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Клаудия Вестердик Марк Виллигер
Секретарь Секции Председатель